

Из книги "Стрекоза"

МУЗА

Из летних сумерек и лепета деревьев,
Пылинок и лучей; угаданная мной —
Рождается она в какой-нибудь деревне,
В каком-нибудь углу за глиняной стеной,

Во влажной темноте, за вязанкой засохших
Висящих на стене целебных диких трав,
И нянчит ее Плач среди лихих потрав.
Но кроется укроп на грядочках заглохших,

Но прыгает горох на хворост у забора,
Балует ветерок на розовой заре:
Спасаясь со смешком, все тянется к игре
На дудочке; легко обманывая вора!

Б У Р А Т И Н О

/ из школьных восьмистихий /

I ...
Но из дверей — за угол; к батарее!
И подышать на пыльное стекло...
"Приди в себя! Всегда тебя согреет
Твоя любовь; крыло и ремесло".
Дежурить так, без чувств, на этаже
Пустом и ждать предсказанного чуда:
Пусть поцелует смертного Иуда,
Чтоб, умерев, он богом стал уже.

2 -

Так я живу за каменной стеной,
Той школы, что была пристройкой храма,
И кто поймет, какой я здесь ценой
Плачу за хлеб и воду из-под крана,
Тот никогда не примет на себя
Постыльный грех бросающего камень:
Мы жили здесь, друг друга не любя
И дружно в волейбол играя в храме.

3

Еще вчера на лестнице широкой
Стоял у пыльной пальмы истукан.
Но за эпоху поднятый стакан
Разбит во время первого урока.
Веревкой обмотав, стащили вниз,
В тот nepотpeбный угол у сарая,
Потея и кряхтя, пугая крыс,
В пыли и тьме невесть кого ругая...

4

Снег за дождем, и снова дождь за снегом.
Но я уже нимало не хочу
Чертить и петь, и 'тешиться побегом
За сферы по абстрактному лучу.
Так я спеленут временем текучим,
Такое место мне отведено,
Что должен мне казаться самым лучшим
Мой дом и дождь, обрызгавший окно.

5

И утром я уснул и ооквернулся...
Уви, не ты мне снилась! — Не любовь!
Зажгла мою бунтующую кровь —
Я над прозрачной бабочкой склонился.
Она, порхая, приняла меня.
На выжженном холме, на комьях иржей
Обугленной земли... С тех пор я вижу:
Коричневую грудь в начале дня.

6

Ты, вестница ли смерти, Эсмеральда,

Который я предчувствовал и видел
 Так часто по ночам, настал. Сейчас
 Мне повелят: "Оставь, забудь и выйди!"
 Но, боже, как я крылья подниму?
 Как я на костылях сойду со сцены?
 Как подниму я каменные стены?
 Взавалят другим на плечи их? Кому?..

II
 Прости меня. Я помню длинный дом,
 Воротничок и двойку по черченью,
 Когда моим пристрастьем к отреченью
 Был озабочен школьный скопидом,
 Когда врезались в потную ладонь
 Осколки толстых стекол на заборе,
 Прости меня за вольности и вошь
 Чернил и вычурности аллегорий.

12
 Твоя звезда! Как денежка в руке,
 Она и мне возвышенно светила.
 Но путь далек, а старая Тортила
 Не говорит на русском языке.

* * *

Змея лежала на дороге,
 Земля дрожала от жары,
 И чуть потюкивали в логе
 Метеослужбы топоры.

Полураздетый, бородатый
 /Чтобы к зиме не ожирел/
 Кряхтя, орудовал лопатой
 На солнцепеке инженер.

Курил. И спорил о Висконти.
 Гремел тарелкой о казан...
 А на дрожащем горизонте
 Дремал на лошади казах.

Что так же, как все, хотело
Поползать, потом пойти,

Потом побежать... под камни,
Как будто под облака,
Забиться!.. Маши платками,
О город, кричи "пока!"...

Он здесь. Он из кухни вышел.
Он ниже вороньих гнезд.
Но в городе знали: выше
Деревьев, домов и звезд,

Как бог, как озимый колос
Под острым косым дождем, —
Неправдоподобный голос,
Тянущийся в каждый дом!

Тряслись кирпичи под крышей.
И город был начеку...
Он тихо из кухни вышел.
Платком повязал щеку.

КУПЛЕТЫ П Ъ Е Р О

Ура! простор для кукольной игры!
Раскрашены, поблеклые пороки,
И сто чертей на кончике иглы
По-прежнему, чертовски одиноки.

Пусть чудеса — за каменной стеной!
Но мне сказал приятель Буратино:
"Все происходит в плоскости одной —
По действию — из старого сатина!"

Художник нарисует облака,
И шагом марш под тряпкой небосвода
Кривляться, петь и дергаться, пока
Не онемеют пальцы кукловода!

Пусть чудеса — за каменной стеной!

Но мне сказал приятель Буратино:
"Все происходит в плоскости одной —
По действию — из старого сатина!"

Широкая холодная река
В барашках от невиданного ветра.
Любимая, дорога далека
На полотне длиной в четыре метра!

Пусть чудеса — за каменной стеной!
Но мне сказал приятель Буратино:
"Все происходит в плоскости одной —
По действию — из старого сатина!"

Меня сечет сентябрьская гроза,
Ломает череп молнии корона,
Мне кажется, что нарисован зал
И вырезаны кресла из картона!

Пусть чудеса — за каменной стеной!
Но мне сказал приятель Буратино:
"Все происходит в плоскости одной —
По действию Пьеро верна Мальвина!"

Все происходит в области одной
Из тряпки, из бревна, из пластилина!

СТИХИ О Н О В О М : ГОДЕ

Галактики округлая ладонь
Протянута ко мне в прощальном жесте.
Простой эффект: замедленный огонь
Ползет по спектру цветом ржавой жести.

Померкли все цвета. Здесь провожаешь ты.
Подчинены закону отраженья
Лишь травный цвет вокзальной суеты
И красный цвет немного удаленья.

Из "Чартовой дюжины"

I

Перед тем как выбрать молоток,
Чтобы вбить в перегородку гвоздь,
Он с улыбкой делает глоток
И рисует на фанере гроздь.

Говорит: "Теперь -- наверняка!"
И свистит, разглядывая щель.
Он всегда боялся сквозняка,
А сегодня на дворе -- апрель!

Если ты не понял ни черта,.....
Значит ты не раскрываешь карт,.....
Как другой не раскрывает рта,.....
Замечая, что проходит март.

2

С.

В этот мартовский денек
Твоего, мой друг, рожденья
В белом с головы до ног
Ходят в доме привиденья.

Но исчадья сатаны
Столь отраднo нереальны,
Что ни капли не страшны,
Только чуточку печальны.

Вот, рассевшись не спеша,
Начинают шуры-муры...
То февраль не додышал
На стекло свои фигуры.

То -- бессмертный сувенир
Твоего ко дню рожденья:
Озорной морозный мир,
Не нашедший воплощенья.

3

Удивляешься ты: "Зачем

Поднимать эту тьму проблем?
Не показывай всем язык.
Подобает ли это мужу?
Отвлекись от себя на миг.
Опиши петушиный крик,
Отразившийся куст и лужу".

Белый лист да пребудет пуст! :
Мы свечу на столе задуем. .
И забудем тщету искусств.
Отразившийся в луже куст
Совершенно неопишем.

.....
.....
.....

9.

Пиликал на скрипочке уроки,
Кокетливым и все-таки глубоким,
Качающимся взглядом за окно
Поглядывает изредка украдкой,
Где мальчик растопыренной рогадкой
На солнышке стоит давным-давно.

Я говорю теперь скороговоркой:
Все пронесло карболкой и касторкой
Ко всем чертям; и некого винить.
Но скрипочка пописывает тихо,
И память, как усталая портниха,
Упрямо хочет нанизать на нить.

Еще одну --- последнюю --- иголку!
Не унимаясь, битый час без толку
Осатанело тычет в пустоту...
Но в беспросветных дебрях аллегорий
Не видно ничего на ее горе.
Она же, уподобившись кроту,

Малейший луч за километр обходит.
Ее косноязычье не проходит.
По-прежнему убог ее словарь.

Но скрипочка шликает коряво.
И пусть так петля сумела бы корова —
Я этих штудий бог и государь.

Ю

"Твоя поэзия абстрактна".

Из разговора:

Уселся, ноги свесил
С окошка на карниз.
Прожарен весь и весел —
Поглядываю вниз.

Внизу труба и травка,
И на траве дрова,
И утка, и канавка,
И чья-то голова.

Коробило, качало,
Пронизывало, жгло.
Лиха беда — начало!
Потом — куда ни шло.

Потом: пути, дороги,
Снега, болота, мхи.
И разные — в итоге —
Абстрактные стихи.

Сижу себе, качаюсь.
От них не отрекаюсь.

Ни ты, ни многотомник,
Ни страшный эрудит,
Ни радиоприемник.
Меня не убедит.

— Видны у дурачины,
Глядящего в трубу,
Абстрактные морщины
На загорелом лбу.

II

Опять судьба меня лизнула

В сыром саду, должно быть, я умру,
Как сумасшедший, горестно припав
Перед рассветом к серому бедру:

От ожиревших кротких голубей
До шпилей золотых и черных труб
Весь город, как родник, с ладони пей
Или плесни на потемневший труп.

Пусть потечет гранитная вода
С твоей нелепо поднятой руки
По опустевшей площади; когда
У медных лент увянут уголки.

О, пусть вберет холодная рука
Летучее тепло души живой
Так же легко, как эти облака
Над осторожно стынувшей Невой!

Дыши! живи! Здесь улицы прямы.
Здесь жметесь жизнь между широких плит.
Здесь застывал в предчувствии зимы,
На трепетных глазах сырой гранит.

3 0 Я

Прощай, моя радость! На льдинах, на лужах, на прелом
Затопленном дерне петляющих тропочек мерзких --
Счастливой часовенкой в синем платочке на белом
Улыбчивом личике: это -- от первоапрельских

Случившихся шуток, сумятиц и "что с тобой случилось?";
Коротких прогулок по-прежнему перед обедом,
Когда все иначе, когда постоянно казалось:
Ломается голос, а ты забываешь об этом!

Последний подарок податливей губ и опасней
Шуршащих пластинок и писем -- простуженный голос.
Не память, а поле; сентябрьский дождик над пашней;
Стога и лукошки; овсяный раскидистый колос.

И -- вольному воля! Окольным путем, перелеском,

Картофельным полем, полянами или овсами,
Почти что сливаясь с озерным размеренным плеском,
Кружиться и падать всю ночь заодно с небесами!..

Не так, моя радость! За дзеньканьем редких сосулук
И хлопаньем пушки ---- написанный набело метод.
О, как я боялся смотреть на подмоченный сурик
Петровских коллегий, предчувствуя заговор этот!

Когда же возили песок и вода прибывала;
Стояли зеваки, и ветер высвистывал вольно,
Я знал, что вода не поднимется выше подвала:
Пройдет по ногам! ---- и что этого будет довольно.

Я знал, что не будет ни писем, ни встреч, ни шатаний
Пустых электричек до часа второго крещения,
Что это природа во власти своих предписаний
Скулит сиротливо и жметя, и жаждет прощенья.

И я за гранит, как батрак за кусок чернозема,
Держась, оживаю... Полгода неравного боя.
Прощай, моя радость! На месте бывшего погрома ----
Простуженный голос, апрельская звонница; Зоя.

ж ж ж

Я проснулся. Сидит на карнизе ворона.
Третий час. Я искусан клопами и слаб.
Гай Светоний Транквилл о позоре Нерона
Повествует. Ему бы, советнику аb
epistula, рыться в архивах лениво
И писать о блудницах. Но он не женат.
Я спускаюсь в столовую, скверное пиво
Пью, поморщившись, и ковыряю салат.

Кто обрадует слабое сердце, Светоний?
Нужен отдых глазам и покой голове.
Черепки на пирах! И вот так же ---- с ладони ----
Через тысячу лет будет пить человек.
О холодный, родник! Невозможно быть хитрым.

Адвокатом и храбрым солдатом... Плебей
И патриций мечтают описывать игры
Древнегреческих и петербургских детей.

Приводить на площадку песочную сына:
"Жил один император и звался Нерон..."
Чем прельстила тебя сумасбродка Сабина?
Избегай, избегай императорских жен!
Честь и почесть, историк, несоизмеримы.
Вижу между покрывшихся пылью награды
Небольшую усадьбу у самого Рима,
Семь кустов винограда и маленький сад.

ГОД АКТИВНОГО СОЛНЦА

I
Вот закончился год. Середина июля.
Семь часов пополудни. Жара. Перелет.
Сотрясая постель, бормоча; балагуря,
Упивается гром: вот закончился год!

И, как дряблое эхо, грохочет кастрюля.
Годовалый ребенок несет самолет.
Вот и молния! Вот и закончился год.
И, вертясь, пролетела последняя пуля.

О, не плачь, мой приемш: мы все-таки живы.
И свободны от тысячи дел и забот!
Вот серебряной рыбкою твой самолет
Ускользнул из сетей, не умножив наживы.

Не забыт ли уют материнского крова?
Не видна ли и над колыбелью блеона?
Терпеливый рыбак не дождетя улова:
Сплунет вниз и вернется из долгого сна.

Уходите! Уже не видать вам удачи,
Не загнать, не замаять. Гроза перейдет.
Отвернувшись, лежит мой приемш и плачет.
"Что случилось, любимый?" ---- "Закончился год."

2

Год активного солнца. Дожди. Ожиданье
Небывалых событий. И вот --- ничего!...
Помню свой перелет и второе свиданье
С распалившимся градом и шутки его.

Как шутил он, когда под губами гребенка
Прозвенела и взмокли обрывки бумаг!
Поседевший проказник с глазами ребенка
Наблюдал и вышучивал каждый мой шаг.

То треща, как шутиха, то воя фугасом,
На прогнивших подмостках меняясь в лице,
Лицедей ублажал меня жалобным басом
И не сразу сорвался на бас и фальцет.

Но при первой же давке в дверях электрички,
За картофельным блюдом и блюдом харит
Он меня рассмотрел до последней привычки,
Сплющил зубом и, сплонув, растер о гранит.

И открыто таскаясь за мной от Ленторга
До громадины над ледящей Невой,
Он меня тормозил, заходясь от восторга:
"Покажись-ка... А впрочем... ступай. Ничего!"

СТРЕКОЗА

Н. В. Д.

Улыбался. Плавал. Пировал.
Впереди --- Клухорский перевал.

Ветер с гор. Костер на берегу.
Муравьиный кислый запах тлена.
И горят шиповники в снегу
У туберкулезного Ульгена.

Ветер с гор. И черная лоза.
В это время пляшет стрекоза...

На снегу --- кристаллы папирос,

Ржавые консервные коробки.
И ложатся лозы поперек
Муравьиной сумеречной тропки.

В это время вольная душа
Необыкновенно хороша!

И свистит, свистит --- катит в глаза
Ледяная флейта перевала!..
И безопасно пляшет стрекоза
На тупых колючках астрагала!

В это время, рядом, у костра
Научи плясать меня, сестра!

В ОСТАВИШЕЯ ДНИ

И нянчит ее Плач

В оставшиеся дни земля легка,
И легок ток сырого сквозняка.
Вот через темный двор, по листьям клена
Алинушка бежит ко мне сюда,
Неся в руках цветные провода
И кубики из легкого картона.

"Ты помнишь ли ноябрьский хоровод?
Который год он кружит и поет.
Вдали от нас! И вот --- разохлась глина...
Заждем в холодной комнате огни.
Что делать нам в оставшиеся дни
С сухим божком? Что делать нам, Алина?"

--- "Мы выстроим с тобой картонный дом,
Закроем дверь и ставенки заберем;
Припомним в темноте начало песни
И тихо будем думать об одном:
Три ночи и три дня тебя мы ждем:
На третий день; о юноша; воскресни!"

--- "Открой 'большую книгу перед 'сном.
О сказанном 'забудь. Какой там дом!.."
--- "Как много слез во сне твоём 'глубоком!"
--- "Смотри, 'вот 'здесь 'намечен 'след клыка..."
В оставшиеся дни земля легка,
И листья жгут во тьме перед порогом.

ж ж ж

Студенистое тело зимы
Колыхалось гигантской амебой.
Что случилось, что сделали мы,
Что на стенках стеклянной тюрьмы
Жрут осадок сухие микробы?

Мы гадали по белым снегам,
Упиваясь дыханием смерти,
Замечая по мертвым следам,
Что не химия властвует там,
А химичат и бесятся черти.

Это наши следы на следах
Органических соединений
Беспокоят бесформенный прах
В призмах, конусах, колбах, кубах,
В бесконечных цепях уравнений.

Нам такое никто не простит.
Только мы и не просим прощенья.
Замечательный холод стоит!
И в стеклянном аду инвалид
Содрогается от отвращенья.

ж ж ж

I
Что "здравствуй", что "прощай" произнести,
Что выпросить портрет или полтину ---
Не выдумаешь, как себя снести:
Рубаху расстегни и ляг на спину.

И паруса таинственного тень —
 Хранительница розовых улыбок —
 Подарит упоительную лень,
 Стремительную лень летучих рыбок!

Не двигайся — лети, едва-едва
 Связав дугой единственной капризной
 Разреженную тяжесть мастерства
 С опасной, но играющей, отчижной!..

Необходимо только так лететь —
 Не задохнуться бы, не ошибиться:
 Задолго до того, как умереть,
 В родную глубину чтоб возвратиться!

2

Но прежде, чем летать — научись терпеть.
 Научись сидеть на стуле неподвижно.
 Задолго до того как научиться петь,
 Научись писать — натянuto и книжно.

Твой первый поцелуй пресыщенность открыл.
 Любимые глаза тускнеют, как у трупа.
 Задолго до зари, до прорастанья крыл
 Научись терпеть и улыбаться тупо.

Задолго до того как становиться в строй,
 Научись в толпе бродить так одиноко,
 Как будто ты один — любовник и герой —
 На гибель обречен безвинно и до срока.

И прежде чем часы пробьют в последний раз,
 До пенья, до любви, до судорог, — граница
 Начала и конца предстанет без прикрас.
 Ты до смерти скучать успеешь научиться.

ж . ж . ж .

Я выпил много красного вина,
 Пытался петь, шутить и улыбаться...

И мне печально девочка одна
Сказала: "Что ж, давайте целоваться!"

Ночной неторопливый листопад
Переполнял глубокую аллею.
И девочка сказала: "Говорят,
Что ничего я толком не умею."

Вы -- мой наставник, опекун и брат.
Мне, как ребенку, ничего не снится..."
И я ей улыбался невпопад
И называл любимой ученицей.

А озеро мерцало в полутьме,
Как холст нерасчищенного экрана.
И за кругами веток, на холме
Еще светились окна ресторана.

Ее лица магический овал
С раздвинутыми детскими губами
И в суеверном страхе целовал
И гладил деревянными руками.

И все, что я до этого умел,
Все, что еще могло бы пригодиться, ---
Вобрало побелевшее, как мел,
Лицо моей любимой ученицы.

ЗАЩИТНАЯ БАЛЛАДА

У защитников шеи обриту,
На лопатках щетинится мех.
И стихи мои страхом прошиты:
От защитного цвета защиты
Не ищи у защитников тех!

Их стальные волнует доспехи-
И штандарта прогнанный кусок:
Те же глупости, те же потехи,
Те же тысячелетние вежи,
Тот же Запад и тот же Восток.

Не хватает ли суток у года,
Глаз у страха, лазеек у сна?
В придыханиях нет перехода.
Слабым эхом при крике: "Свобода!.."
Долетает пароль: "Тишина!.."

И сквозит изо всех перекрытий!
Не хватает ни леса, ни сил.
Что вы, черт побери, говорите
Об Отечестве и о защите
И о святости братских могил?..

Мы в сколоченных наспех бараках
Покрываемся ржавой корой,
И на нас, как хирург на собаках,
Упражняются в сварах и драках,
Освятив государственный строй.

Не хватает ли мне кислорода,
Одуряет ли запах могил? —
В придыханиях нет перехода.
Все твои наставленья, свобода,
Оловянный солдатик забыл!

И как будто бы в прятки играю:
Оглянулся, и нет никого! —
Я старинную книгу листаю:
"Белым облаком в небе растаю
И оставлю тебя одного..."

Так и быть, уходи, Беатриче!
Не пристало болтаться в аду
Мельничихой приснившейся притчи.
Изучив твой расчерченный птичий
Путь, и я не останусь — уйду!

Сигану лягушонком в канаву,
Не снимая защитных штанов...
Надо мной проведут по уставу
Провонявшую бойней ораву

Заградительной линией снов.

СИРЕНЬ

Сокровища белых ночей
И северной чахлой сирени
Залились на сгибы локтей
Да так, что стучали колени,

А сад расплывался и плыл!
И даму' по обыкновенью
Цугал неистраченный пыл
Подстать воробьиному пенью,

Подстать огородным крестам,
Стекающим медленным светом
По куполу и по кустам
Сиреневым перед рассветом.

Собор как свеча оплывал.
И простенькой фразы оттенок
Загадочный смысл обретал,
Зловещий --- до дрожи коленок.

И спутница видеть могла
Окрасивший щеки и руки
Багровый оттенок тепла,
Причудливый вензель разлуки,

Гербарий сиреневых звезд,
Которым не мог не гордиться
Идущий назад через мост
Скупой, но классический, рыцарь.

От тысяч и тысяч скушцов
Он тем отличается в корне,
Что хочет 'запрятать лицо
В ее обезьяньей ладони.

ДИАЛОГ

"Не останавливайся здесь:
Ты все еще в гостях --- не дома!
Все смисло лишено, все невесомо.
Не соль и суть — а вспененная взвесь..

Не останавливайся здесь!
Здесь кое что тебе знакомо...
Усадьбу белого детдома
Ты видишь, поглядев отвесно ввысь.

Там ангел в белом колпаке
И вылянйавшей куртке,
Там ангел кроткий, ангел жуткий
Обломок кирпича зажал в руке.

Его ладонь в открытых гнойниках
И голову, как факел, керосином
Облитую, ты видишь?.. В двойниках
Взвесь повторяет эту же картину".

— "Приевшееся колдовство
Как дрожжи здесь необходимо.
Немного солнца, горсть сухого дыма,
Глоток вина --- вот только и всего!"

— "Здесь ангел отразился в двойниках
Из взвешенных частиц, из мнимой глины.
Земной пузырь пронзив до середины,
Ты одного из них сомнешь в руках.

Здесь, смысла нет ни в чем, нет сердцевины".

— "На полпути — я не на облаках!
Там ангел, расплодивший насекомых,
Обломком кирпича швыряет: трах! —
И наконец-то найден икс искомый.

Необходимо колдовство.
Необходима ведьма в три обхвата,
Растущие, как на дрожжах, ребята
И жара впрок — вот только и всего!"

— "Тебя охватывает страх.
Запрячься же, укройся под соломой!
Во взвеси вспененной и невесомой
Ты только лишь соринка на губах.

И пью от жара вспененный настой,
Отвар, который пострашней отравы.
Здесь все — игра, здесь все — одни забавы,
Броженье, гниль, земли пузырь пустой...

Ни берега здесь нет, ни переправ".

— "Необходимо колдовство,
Путеводитель и запао словарный,
И стол — корабль простой и легендарный —
И одиночество — вот только и всего!

Не догадается о том,
Как парус призрачный надежен,
Тот — наверху. Он только корчит рожи,
Швыряет сверху битым кирпичом".

ПЯТЬ ВОСЬМИСТИШИЙ

I
Кто воссоздаст историю страны?
Дела закрыты, книги сожжены.
В музее — только старые штаны,
В которых бастовал какой-то слесарь.----
Хоть рубят лес — деревья не видны,
А из-за щеп почти не видно леса.
И мы с тобой, дружок, погружены
В болото пролетарского прогресса.

2
И флаги бьют, и медь горит в кино:

Валяйте, мол! — все стерпит полотно...
Какой дурак засмотрится в окно
Сравнить: а так ли? Только от угара!..
Там яблочное мутное вино
Сверзается бесшумной ниагарой
На мавзолей из плиток домино
И очередь в подвал на тротуарах.

3

Кого из палачей обходит оон?
Кто выстрелил? "И я, и ты, и он..."
Но у кого-то — холодотой патрон,
И остаются только подозренья.
В своем кругу никто не обойден!
И в узкое — оквозь прорезь — поле зренья
Продернуте: приказ — мишень — закон
Спасительный параграф уклоненья.

4

"Свобода, Братство, Равенство", — слова,
Которыми пугает нас Сова.
Зловещий крик ночного оущества —
Сигнал о безымянных преступленьях.
Занудный крик, как зарево, кровав.
И кто-то в нем сгорает, как поленья
В костре, не долбив, не дописав:
"Свобода, братство, ра..." — вчетихотвфенье.

5

Мы подождем. Нам в общем все равно,
Что с нами дальше делать решено.
Мы затвердели, как в песке говно,
И тоже чуть не — мраморными стали.
Пускай придет инспектор горно
И разрешит вопро о пьедестале.
Хоть Унитаз — и золотое дно,
Но промывать его уже устали.

БАРАК

I
 Куда нас занесло, моя любовь?
 В глазах ещё рябит от солнца
 Ночью.
 Качающийся свет разодран в клочья.
 Как снегом, занесло песком оконца.
 На балках кровь.

В пустом бараке ярусы из досок
 Осыпаны соломенной трухой,
 Пометом
 И блевотиной сухой.
 Солома отдаёт мочби си потом.
 В углу кричит гблодный недоносок.
 Нас приютит заброшенный барак,
 Где мой ребенок,
 Просит молока,
 Где между грязных балок облака
 Повисли на веревках для пеленок,
 Где у дверей хихикает дурак.

Все пятеро (я всех пересчитал!),
 Вдоль озера плелись
 С шести утра,
 И хлопала на доньшке ведра
 Какая-то коричневая слизь,
 Которую дурак еще глотал.

Какой ценой дается нам еда
 С шести утра!
 В заброшенном бараке
 На согнутых гвоздях висят баранки,
 Мы колем их посредством топора.
 Но это не беда.

Глаза не привыкают к темноте.
 И руки по соломе тихо
 Шарят.

"Спокойной ночи". --- "Что?" --- "Там что-то варят..."

-- "Ты хочешь есть?" -- "А ты?" -- "Опять гречиха?
Нет, не хочу. Ступай-ка лучше к тем..."

Какая ночь! Очнись, моя любовь!..
О чем ты говоришь со мной
Впервые,
Где тихие слова -- как чайные,
Протянутые детской рукой...
В случайной темноте не оуесловь!

Опущен в темноту пустой барак,
Где мой ребенок
Просит молока,
Где только балки вместо потолка,
Где из прорез застиранных пеленок
Кристаллы звезд сверкают кое-как.

Моя жена ногами шевелит
И плача смотрит,
Смотрит на огонь...
Начало дня -- смотри! -- не проворони:
Мы будем выходить отсюда по три
В густых слезах, как стая Аонид.

2
Приливы, отливы, приливы...
Дождемся ли сна и зимы?
Так эти труды кропотливы,
Что в них затеряемая мы.

Сверкают огромные дошны,
И льется по трубам бензин
Так эти труды многотомны,
Что я до рассвета один.

И тает запас мой словарный,
И бабочки тают во тьме,
И так торопливо товарный
Состав приурочен к зиме,

.....
Что не получивший оценок
Задолго повернут спиной.

Сидит моя жена:

Сидит и смотрит на

Пустое небо; где отражена

Ее душа, обиженная нами.

4

"И ту бы... и эту... и ту бы!.."

Там, около каменных плит:

"Дай поцеловать твои губы!"

Пожарный оркестр говорит.

"Дай поцеловать твои губы!.."

Твои ли?.. Там -- около ста

Так жадно сосут жизнелюбы,

Что ты, как матрешка, пуста.

И -- ден ы.. И не видно ни тени!..

И у деревянных девиц

Ржавеют, вращаясь, колени,

В отверстиях вогнутых лиц!..

...Я не доплétусь до ночлега.

Темно. И задача одна:

Дождат юя глубокого снега,

Глубокого снега и сна. !

5

Скамьи, столы, навес,

Зеленый чад...

В стеклянный лес

Со стенок зайцы дуют...

Передо мной рабочие сидят.

Не торопясь, горячий суп едят.

Молчат.

И все же -- что-то мне диктуют...

Стою балбес

Балбесом.. ничего

Не понимаю из их голошенья...

Должно быть, это просто ультравой.

И -- молча -- я киваю головой,

Киваю головой

Без выраженья.

Ощупывая свой
Мясистый нос,
Просовывает в вой живот стряпуха
И торопливо ставит на поднос
Железный --- все, что под руку пришлось:
Посуду, чей-то нос и четверть уха...

Нам чей-нибудь совет необходим.
Но кто же позовет нас из-за дыма?..

В углу сидит угрюмый нелюдим.
"А ну-как подожди... ведь это Клима!"

И, подойдя, я спрашиваю Клима:

"Как же ты, Клима,

Так влип?

Извини меня за вопрос...

У тебя же не нос, Клима,

У тебя же не нос, Клима,

У тебя же не нос,

А --- полип!"

И вздыхает Климент: "Эх, Саша!.."

В том-то и беда вся наша,

Что не знаем, какова каша,

Пока не расхлебаем!

Кабы я втапору зорнул

На десяток-другой формул,

Жил бы я тогда по-другому...

А теперь --- полезай на платформу

И ходи расстебаем!

Мы попались в этот коровник!

Видишь: каждый из нас --- любовник...

А кто --- в аккурат --- виновник? ---

Толком-то и не знаем..."

И музыкой томим ---

Как бы во сне ---

Сидит сутулясь Клима

И плачет тихо.

За зайцем заяц ходит по стене,

И незаметно зеркало ко мне
С улыбкой придвигает повариха...

6
Куда же нас занесло!

Получит ли отдых тело?

Дороги развезло.

И яблоко перезрело.

Уходит во тьму ландшафт.

Кричат на болоте выпи.

Со мною на брудершафт

Пытается кто-то выпить.

Копает меня рукой,

Как будто газон садовник...

"Постойте... Вы кто такой?"

--- "Я?.. Как его... твой Виновник..."

Мой?.. Мой Виновник посередине

Барака шатается, как на льдине;

Улыбка зияет на образине

Его, уходя в пространство...

Я узнаю его! Ну конечно!..

Это его дурацкая внешность

Занавешивала скворечню;

Окаменевая в транс.

Моя любовь, я узнал злодея:

Это же он это все затеял!

Он так устроил, что в темноте я,

В грязи тебя обретаю...

Ох, и гнусная у него привычка:

Стоять над душой, покамест птичка,

Свистя, не снесет наконец яичко,

Сказать: "Виноват... глотаю!"

В глазницах сверкает по светофору...

Куда занесло нас об эту пору?

Вот слопает к чёрту, как помидру,

Что я тогда буду делать?

А ты говоришь: "Упокойся, право!"

Хоть 'мне не по вкусу прихлась забава,
Но, если рассуждать здраво, ---
У меня ведь и нет тела..."

...Под озером плавает позеленевший ребенок,
Не просит еды и не мочит пеленок:
Сирой паучок --- мой сыночек!..
Четырнадцать дочек ---
Медузочек, полудевчонок...
Их голос так тонок,
Как будто --- ничей!
Голосочек
Выходит неслышно:
"Не ставь нам, подонок, свечей!
Это --- лишнее..."

Эпилог

На севере я сплю на раскладушке
И трогаю во сне
Угол подушки,
Прислушиваясь к возне
И музыке на пирушке.

Две девочки --- кудрявые подружки ---
Причмокивая ртом,
Прячутся в стружки...
Над ними такой содом
Устраивают пьянчужки!

На севере я сплю в недоуменьи.
Надо мной тени
Играют.
И девочки становятся на колени
И шепотом предлагают:

"Открой-ка нам голову на затылке
И достань оттуда
Цыпленка!
Мы приготовим блюдо
Кобылке,
И она нам рбдит ребенка..."

Я птенца достаю двумя руками.
Но девочек смерть поражает.
А собака, 'обвязанная' бинтами,
На месте птенца пожирает...

Я пойду к молодой кобылке,
Я скажу: "Ничего бабенка!"
Притворюсь молодым и пылким,
И она мне родит ребенка.

...Что мне спеть моему Андришке?
Песнь моя ему не помогает!..
На севере я сплю на раскладушке.
Оркестр играет.

МОЯ ЖЕНА НОГАМИ ШЕВЕЛИТ.
ЕЕ ДУШУ, БЕРЕЖНО ХРАНИТ
ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ МИР, ХОР АОНИД
В КЛУМБАХ, БЕСКРОВНЫХ.

ГЛУБОКИЙ СНЕГ. И БОЛЬШЕ НЕТ ОБИД.
И НЕТ ВИНОВНЫХ.

* * *

Жизнь — безнадежно глупая затея.
Но разгадай секрет ее игры —
И оживет — свежа, как Галатея,
Держащая воздушные шары.

И жалко отпускать их, и нельзя же
Держать их без конца над головой!..
Жизнь по щекам зардевшимся размажет
И слезы, и восторг, и трепет твой.

Прощай, зеленый, желтый, голубой!..
Сверкающее радугой мгновенье,
Я твой полет, а не исчезновенье
Уравновесил тягостной судьбой.

Рви, пустота, воздушные шары!
Лепя цветной зародыш небооклона,
Перерастает правила игры
Самозабвенный труд Пигмалиона.

Трагедия --- не просто лишь беда
Непоправимая: свершилось и забыто,
Но то, что совершается всегда,
Ежесекундно и на редкость скрыто.

Трагично время: было, будет, есть.
Трагичен взгляд и вообще все чувства,
Которыми немислимо учесть
Трагического хохота искусства.

Трагичен человек. И тень его
Трагична. И трагично их различье.
И, может быть, трагичнее всего ---
Увериться в трагическом величье.

Великое воздушно, как пирог,
Ничем не стеснено, ни с чем не схоже...
Трагичен человек. Трагичен бог.
Но не велик, о нет, избави боже!

Вот в лабиринте забвения,
держась за ниточку-заботу,
я --- нет, не сплю! --- должно быть, я
ищу работу.

Где эта фабрика --- забыл! ---
где производят
дешевый юношеский пыл
и нечто девственное, вроде

грудастокрыльчатых зверей
в середине мыльных пузырей
небьющихся? "У вас есть место
Эдипа, бедная невеста?"

"Нет места, --- говорит, --- у нас нет места".

Я --- нет, проснулся! --- может быть,
зевотой сдерживая рвоту,

я все разматываю нить
и -- не забыть! --
ищу работу.

Где -- я не помню! -- комбинат,
где электрическое пошло
за автоматом автомат
орывает о полота

"Пуск" натягается на "Стоп":
"Еще по сто!" -- "По сто?" -- "А что?!"..
"Эй, ЭВМ, у вас есть место?"
Трах! -- замыкание (знак протеста)...

"Нет места! Говорят: У НАС НЕТ МЕСТА!"

Заканчивается клубок...
Где ж Минотавр? От Минотавра --
дерьма фасованный кусок
со вскрытой импортной тарой.

На целлофановый ярлык
нашлепнут человекобык.
Я бормочу "У - вас - есть - место?"
И минотавры пишестреста

"Нет места, -- говорят. -- У нас нет места".

НАД КРАСНЫМ ПОЛЕМ

Но если жизнь окудна, как желтый чай
В захватанном отакане,
Как поле белое над красным полем брани, --
Не бойся, милый мой, а попросту скучай!

Еще понанесет сюда ворон и галок,
Грачей и ястребов -- из птиц,
Из тварей остальных со олипшихся реониц
Еще вползет сюда -- в подробностях помарок

И след, подобный прочей гольтубе ---
Ослабившийся зверь-избранник,
С орнаментами вдоль двойник и данник, ---
И то-то будет весело тебе!

Не бойся, милый мой, но, чем горзд,
Прилежно ладь сизифов труд любви:
Над красным полем брани --- белый плафт.
"Зима у нас. Зима. Ни' капли' крови. "